

ЛАСЛО КЛИМА (Будапешт)

ПОВОЛЖСКИЕ ФИННО-УГРЫ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ I—II ТЫС. Н. Э.

Финно-угорские народы Поволжья упоминаются в письменных источниках под этнонимами, известными и в настоящее время, начиная с середины I тыс. н. э. В более ранних произведениях, в трудах греческих авторов встречаются названия народов *амадокос*, *андрофаг*, *меланклайон*, причем были попытки отождествить их с финно-угорскими народами, существующими в наши дни, но эти данные, по разным причинам, в статье не могут быть использованы. С одной стороны, сами отождествления не достаточно обоснованы, с другой, сведения слишком ранние: в I тыс. до н. э. процесс становления финно-угорских народов Поволжья находился еще в начальной стадии. Здесь приводятся письменные источники, в которых встречаются этнонимы *меря*, *мурома*, *мокша*, *эрзя*, *черемис*, *мордва*, *мещера*, *буртас*, и делается попытка использовать их в исследовании предыстории марийцев и мордвы.

Мордва

По источникам, группы мордовского народа называются *мордва*, *мокша* и *эрзя*. По мнению некоторых авторов, мурому тоже надо считать одной из групп мордвы, что представляется правильным, таким образом данные источников о муроме будут трактоваться в этом разделе.

Этноним *мордва* впервые встречается в VI в. н. э. в «Гетике» Иордана вместе с названием народа *меря* (*морденс*, *меренс*). Данный источник перечисляет их среди подданных готского правителя в Крыму Германариха (Jordanes 69). Следующим источником, содержащим этноним *мордва*, является работа Константина Багрянородного, относящаяся к X в. Этноним распознается в названии страны *Мордия*, находящейся в 10 днях ходьбы от земли печенегов (Biborbanszületeft Konstantin 169). В русской летописи XII в. — в «Повести временных лет» — встречается форма *мордва* (ПСРЛ 10—11). Позже о мордве можно прочесть в более или менее единой группе источников — работах европейских путешественников. Все они относятся к XIII в. Из путевых заметок путешественников XIII в. самым тесным образом связаны между собой работы Плато Карпини, Бенедикта Полона и Ц. Де Бридии (Julianus) — участников одной экспедиции. Наиболее подробно пишет Плато Карпини. Из его описания выясняется, что сам он не ходил к мордве, ибо пишет о земле мордвы, когда рассказывает о походе Батыя, т. е. передает данные, о которых он слышал (Carpini 125—128). Бенедикт Полон в основном пишет то же, что и Плато Карпини, включая и поход Батыя. После упоминания этнонимов *мордва*, *болгар*, *башкир* и он пишет о паросситах и людях с собачьими головами (Carpini 127; Polonus 187). Таким образом, они оба или слышали об одном и том же или обменялись информацией. Описание Ц. Де Бридии короче, чем у остальных, по мнению Дьердя Дьерфи, он резюмировал описание Плато Карпини, добавив свои наблюдения (Julianus 433).

Среди европейских источников XIII в., содержащих этноним *мордва*, наиболее значительны два отчета о путешествиях Юлиана (Julianus 61—70, 71—82). Во время первого путешествия на обратном пути он проезжал и землю мордвы. В тече-

ние 15 дней Юлиан плыл на судне по территории, где проживала мордва. По всей вероятности, он плыл домой по рекам Волга, Ока и Десна, ибо по мнению А. Л. Монгайта, это был самый древний и короткий путь из Волжской Болгарии в Киев (Abu Hámid al-Garnáti 121). В своем отчете Юлиан упоминает и о чрезмерной жестокости мордвы, об их желании убивать (Julianus 70).

В отчете о втором путешествии Юлиан пишет о том, что удалось услышать ему («некоторые рассказывали мне») о татарах и их завоеваниях: «кроме того, они покорили и страну мордвы, имеющую двух князей, один из князей, вместе со своим народом и семьей, покорился татарам, другой с остатками народа спасся в укрепленные места, дабы устоять» (Julianus 76). Первое описание Юлиана ценно тем, что свидетельствует о личных впечатлениях, второе можно признать достоверным из-за живости, детальности описания.

После Юлиана длительное время новой информации о мордве не было. Русские летописи XV—XVII вв. почти буквально передают материал древнейшей из них (Кириянов 1971 : 148—149). Однако начиная с XVI в. все больше и больше путешественников посещает мордву — множится информация. Из описаний путешественников выясняется, что эрзя и мокша в действительности представляют собой две большие группы мордвы. К этому времени относятся и первые сведения о родстве мордвы и черемисов.

Эрзя

Из названий двух больших групп мордвы раньше встречается в источниках этноним *эрзя*. Он обнаружен в письме хазарского кагана Иосифа в форме *ариса* вместе с этнонимом *ц-р-мис*, т. е. *черемис*. По датировке письмо было написано в 986 г., однако, может быть, оно появилось на 200—300 лет позже (Коковцов 1932). Об эрзе можно прочесть и в группе источников, написанных магометанскими авторами. Они основываются на работе Балхи, жившего в IX—X вв., которую в дальнейшем продолжили Истахри и его ученик Ибн Хаукал. Наиболее подробное описание эрзя дано в работе Истахри X в. По этому описанию, русские (*ар-рус*) делятся на три группы: *кюяда*, *ас-салавия*, *ал-арсания*. Первое название соответствует названию Киева, второе — наименованию славян, или племени словенов, а третье — этнониму *эрзя*. В источнике не только упоминается этноним *ал-арсания*, но содержится и информация о народе. По данному описанию, самой опасной из трех групп *ар-рус* является *ал-арсания*, потому что народ этот убивает всех иноземцев, вступающих на его территорию. Покидает же свою землю этот народ только в интересах торговли: тогда они спускаются по рекам и обменивают пушнину на другой товар, делается это в странном безмолвии, о себе и о своей стране они ничего не говорят. Их царь живет в городе Арса (Заходер 1967 : 101—102). В советской историко-археологической литературе данная группа источников трактуется по-разному. В последнее время, занимаясь историей Ростовской земли в ранние средние века, И. В. Дубов посвятил отдельную главу вопросу о географическом расположении города Арса и *ал-арсании* (1982 : 104—123). Он присоединяется к тем, кто предполагает искать город Арса и народ *ал-арсания* на Верхней Волге — на Ростовской земле (Дубов 1982 : 109—123). Нам кажется, что И. В. Дубов доброжелательно, однако с пристрастием хочет доказать значимость исследуемой им Ростовской земли. Он упускает из виду Истахри, который о народе *ал-арсания* пишет: никого не пускает на свою территорию. По этой причине народ *ал-арсания* не мог жить на Ростовщине, ибо, по данным археологических раскопок, территорию эту часто посещали варяги и новгородские славяне. Отождествление *ал-арсания* — *эрзя* подтверждает и личное наблюдение Юлиана о дикости мордвы, что полностью совпадает с описанием Истахри (Julianus 70).

Позже этноним *эрзя* встречается в работе Рашид-ад-Дина — в начале XIV в. в форме *арджани* (96), а в XVI в. — у ногайского хана Юсуфа в форме *рзын* (Сафаргаллиев 1964 : 12). В русских источниках этноним *эрзя* появляется только с XVIII в. (Мокшин 1977 : 47).

Мокша

Этноним *мокша* весьма поздно — в XIII в. — впервые встречается в источниках.

Монах-францисканец Рубрук, отправившийся к монголам, упоминает его в форме *моксель* (Rubruk 216). Данный этноним и позже не включался ни в европейские, ни в восточные путевые заметки и работы по географии. Он фигурирует еще в упомянутой выше работе Рашида-ад-Дина, а потом начиная с XVII в. появляется в русских источниках (Мокшин 1977 : 47).

Мурома

Этноним *мурома* иноземными путешественниками и купцами не употреблялся. Он встречается только в русских источниках, но очень рано, например, в «Повести временных лет» в перечислении народов Поочья (ПСРЛ 10—11).

В качестве вывода и в интересах обзорности источники представлены в виде таблицы.

Мордва	Эрзя	Мокша	Мурома
Иордан, V в.	Хазарский каган, Иосиф, X в.	Рубрук, XIII в. Рашид-ад-Дин, XIV в.	Повесть временных лет, XII в.
Константин Багрянородный, X в.	Балхи, Истахри, Ибн Хаукал, IX—X вв.	В русских источниках, XVII в.	Только в русских источниках.
Повесть временных лет, XII в.	Рашид-ад-Дин, XIV в.		
Плано Карпини, Бенедикт Полон, Ц. Де Бридия, Юлиан — все в XIII в.	Ногайский хан, Юсуф, XVI в.		
Европейские путешественники с XVI в.	В русских источниках с XVIII в.		

Можно сделать попытку проанализировать данные таблицы с точки зрения групп и предполагаемых территорий мордвы. Однако следует иметь в виду, приезжали ли к мордве сами авторы источников, с какой стороны они приближались к землям последних, или же, если информация авторов основывалась не на личных впечатлениях, то где жили информаторы, какие территории мордвы они могли знать.

На основе археологических находок А. А. Спицын первым высказал мнение, что вторжение русских в междуречье Волга-Ока шло из Смоленской земли, где проживало племя кривичей (Спицын 1905 : 167). Однако П. Н. Третьяков в своих последних работах считает, что более значительным было вторжение со стороны новгородских территорий (1966 : 290; 1970 : 122—141). Из междуречья Волги и Оки русские племена продвигались по берегу Волги в направлении на запад-восток. Таким образом, сведения «Повести временных лет» являются результатом такой встречи с финно-угорскими народами.

Из хазарской столицы к мордве легче всего было попасть по Волге, т. е. хазары могли прибыть на территорию мордвы с востока и севера, отправляясь с правого берега Волги. Таким же образом могли попасть к мордве купцы, плывя вверх по Волге на своих судах с товаром. Этот путь к мордве должен отражаться и в работах магометанских авторов IX—X вв. Он полностью подтверждается и в работе Истахри, который пишет, что эрзя спускаются по рекам и меняют добытую ими пушнину на другие товары. А обмен и после спуска по рекам мог произойти только на участке между устьем Оки и казанским поворотом Волги, потому что реки мордовской земли именно там впадают в Волгу.

Монахи первой половины XIII в., путешествовавшие по политическим поручениям, сообщили о народах мокша и мордва. Плано Карпини и его спутники, как и Рубрук, ехали вглубь империи монголов, пересекая низовье Волги. Таким образом,

по всей вероятности, их информировали люди, знавшие южные территории мордвы. Но не исключено, что они встречались с монгольскими воинами, военными предводителями, принимавшими участие в походах против поволжских болгар и поэтому располагавшими сведениями о восточных и северных прилегающих к Волге частях мордовских земель.

Юлиан — как отмечено выше — путешествовал по Волге и Оке, т. е. мог иметь личные контакты с мордвой северных и западных территорий.

Данные, полученные таким путем, сопоставимы с расположением поселений мордвы по археологическим находкам. Археология с помощью специальных методов может различать памятники мокши и эрзи. Основой для этого служит разная ориентировка захоронений в древнемордовских могильниках, а также наличие в древнемордовских могильниках элементов одежды эрзи и мокши, существующих и в настоящее время. Таким образом, археологи различают памятники мокши и эрзи уже в I тыс. н. э., когда данные этнонимы в источниках еще не встречаются.

В своей статье, состоящей из двух частей, П. Д. Степанов приводит карты расположения поселений отдельных групп мордвы в I тыс. и в начале II тыс. н. э. (1968 : 275—277; 1970 : 27—28). По ним можно установить, что предки эрзи жили на среднем и нижнем течении Оки, на правом берегу средней Волги, главным образом в бассейне рек Тёши и Пьяны. Группа муромы жила на весьма маленькой территории в окрестностях современного города Муром. Мокша жила на внутренних территориях мордовских земель, по верхнему течению реки Суры и вдоль рек Мокши и Цны. В этой структуре расселения со временем происходили некоторые изменения, сдвиги. В конце I тыс. эрзя постепенно переселялась с побережья Оки на восток, к рекам Тёша, Пьяна и Алатырь.

На основе источников и по археологическим находкам на карте П. Д. Степанова можно установить, что хазары могли знать и предков мокши и эрзи. Этноним *мокша* они не знали, наверно, потому что он еще не превратился в самоназвание одного из ответвлений мордвы. Сведение о мордве в русских источниках относится к эрзе, ибо на Оке и Волге, где русские племена контактировали с мордвой, жила эрзя. Юлиан же, если он возвращался по Волге и Оке, встречался с эрзей, которую в своем описании называет мордвой. Эти данные, а также упоминание этнонима в магометанских источниках, по всей вероятности, на берегу Волги, на наш взгляд, доказывают, что самостоятельность этнической группы эрзи и употребление этнонима *эрзя* начинается с IX—X вв. и этноним *эрзя* даже в XIII в. не был общераспространенным, он употреблялся параллельно с этнонимом *мордва* (как видно, мы исходили из того, что этноним *мордва* когда-то был самоназванием всего народа).

Из путешественников XIII в. меньше всех знают о мордве Платон Карпини и его спутники. Их информатор, вероятно, не знал достаточно близко мордву. Во всяком случае, данная группа источников свидетельствует о том, что в более широком окружении о мордве в XIII в. еще сохранялось представление как о едином, гомогенном народе. Однако Юлиан и во время своего второго путешествия был ближе к мордве, чем Платон Карпини и его спутники, потому что древние венгры, живущие тогда на своей прародине, были восточными соседями мордвы. У них Юлиан слышал о двух князьях мордвы (Julianus 76). В этом сообщении может скрываться намек на разделение мордвы на эрзю и мокшу, о чем восточные венгры по близости расположения могли знать.

Если ход осмысления приведенных данных применить к трактовке пути Рубрика и его сведений о мокше, то можно полагать, что его информатор жил непосредственно на юг от мокши и не располагал серьезными знаниями о родстве эрзи и мокши. Этноним *мокша* появляется в источниках лет на 300 позже, чем этноним *эрзя*. Это обстоятельство может иметь две причины. Во-первых, мокша жила более изолированно географически и иноземцы не добирались к ней. Во-вторых и что более вероятно, этноним *мокша* стал употребляться позже, чем этноним другой группы мордвы — *эрзя*. Это обстоятельство подтверждает, что этноним *мокша* впервые возник у реки *Мокша*, под влиянием названия реки. Первичность топонима

по сравнению с этнонимом доказывается и тем, что топоним *мокша* не финно-угорского происхождения, его можно отнести к той группе названий рек, которые характеризуются окончаниями *-ма*, *-га*, *-ша* и т. д. По мнению Б. А. Серебренникова, эта группа является дофинно-угорским субстратом (Серебренников 1965 : 237—256). Называть себя по близкой реке — это не беспрецедентный случай у финно-угров, достаточно сослаться на предполагаемую связь между внешним названием манси *вогул* и названием реки *Вогулка* (Hajdú 1981 : 24).

П. Д. Степанов, сравнивая археологические памятники мурома с памятниками эрзи, считал, что мурома и эрзя — это один и тот же народ (1968; 1970). Мурому и с иной точки зрения нельзя считать самостоятельным, значительным финно-угорским народом Поволжья. В финно-угроведении она, как правило, упоминается вместе с меря как вымерший народ, но археологические и исторические данные в равной мере подтверждают, что народ меря был намного значительнее, чем мурома. В VI в. Иордан упоминает меря вместе с мордвой и позже данные этнонимы встречаются не только в русских источниках, Юлиан тоже слышал о стране *Меровия* (Julianus 76). Археологические находки меря известны в Костромской, Ивановской, Ярославской, Владимирской областях, а захоронения мурома образуют небольшую, замкнутую группу в нижнем течении Оки, недалеко от современного города Мурова (Степанов 1968 : 276). Отождествление мурома с эрзей не вполне обосновано, в археологических находках имеются различия, кроме того, опираясь на русские источники, нет оснований усомниться в существовании народа с этнонимом *мурома*. Наиболее вероятным представляется, что мурома была малочисленной этнической группой, рано отделившейся от предков эрзи. Поскольку вблизи от мурома жила эрзя и хотя археологические находки мурома не совпадают полностью с находками эрзи, они указывают на близкое родство и позволяют полагать, что язык мурома был ближе всего к языку эрзи.

Мещера, буртасы

Некоторые исследователи связывают мещеру и буртасов с мордвой. Однако многие специалисты не разделяют этого мнения. Большую историю имеет отождествление буртас—мордва, оно зародилось еще в середине прошлого столетия в работе П. С. Савельева (1847). Появилась и теория, отождествляющая буртасов не только с мордвой, но и с мокшей. Наиболее известным ее представителем был В. Ф. Минорский (Hudud al-Alam 464—465). Но данные теории не подтверждают историческими источниками. Опираясь на работы Масуди и Ибн Хаукала, А. Е. Алихова писала, что буртасы жили главным образом по нижнему течению и в устье Волги, им принадлежало и западное побережье Каспийского моря. Однако имеются данные о том, что позже они еще больше отделились от поволжских финно-угорских земель. Отдельные их группы жили в Предкавказье, в соседстве с осетинами и черкесами (Алихова 1949 : 52—54). В описании буртасов источники противоречивы. Наверно, под этнонимом *буртас* подразумевалось несколько разных народностей. Данные, указывающие на кочевой образ жизни, могут относиться скорее к жителям степей, а свидетельствующие о свиноводстве и земледелии, к людям, жившим севернее. Может быть, с мордвой отождествима только эта группа буртасов, что тоже маловероятно. Мордовские археологические данные также свидетельствуют, что для мордвы не был типичным образ жизни, описанный магометанскими авторами. Найдены мордовских могильников X в. указывают на культуру кочевников, однако это не характерно для мордвы вообще, отсутствует единство данной культуры, кажется, что усвоены только отдельные предметы, а не культура в целом.

Из письменных источников выясняется, что в XIII—XIV вв. одна группа переселилась на правобережные территории по среднему течению Волги. Здесь соприкасаются история буртасов и история мещеры. Ибо на данных территориях имеются и топонимы, сохраняющие этноним *мещера*. Этноним *буртас* в русских источниках появляется в XIII в., а этноним *мещера* — только с XIV в. Б. А. Васильев в своей работе высказал предположение о тесной связи между двумя этнонимами и народами. Он пишет, что этноним *буртас* до XVI в. служил синонимом этнонима *мещера* и предполагает развитие *буртас-мещера-мишар*: значит, жителями мещерской земли

по среднему течению Оки и Мокши были потомки буртасов, предки мишарских татар, существующих до сих пор (1960 : 205—206).

Может возникнуть вопрос, не скрывается ли за этнонимом *мещера* группа мордвы. Однако позднее появление этнонима — и только в русских источниках — подтверждает предположение о том, что речь идет о народе, спасающемся от монголов. По данным археологии, в I тыс. н. э. здесь жили предки эрзи. Нам представляется, что на основе аргументов, перечисленных выше, можно принять отождествление буртасов и мещеры и исключить их из преддистории мордвы.

Черемисы, меря

О мере и черемисах уже около 100 лет в специальной литературе бытует мнение, что эти два народа в действительности представляют собой один и тот же народ.

Впервые о мере в источниках — в Гетике Иордана — упомянуто как о подданных крымского готского царя Германариха (Jordanes 69). «Повесть временных лет» указывает и точное место их жительства: окрестности Ростова и озеро Клешино (ПСРЛ 10—11). Летописцы упоминают мерю и в связи с некоторыми важными событиями: в 859 г. варяги собирают у них дань, в 862 г. они уже принимают участие в борьбе с варягами, в 882 г. они провожают Олега в Киев, который там устанавливает свою власть, а в 907 г. они упоминаются среди участников похода Олега в Византию. Археологические исследования свидетельствуют о том, что в конце I и начале II тыс. н. э. они в большей мере, чем остальные поволжские финно-угры, включились в торговлю, причем на больших расстояниях, и вторжение русских племен прежде всего коснулось их. Все это привело к тому, что к началу XII в. меря в основном растворилась среди пришедших племен. Последнее известие о мере сохранилось в источнике XV—XVI вв., который упоминает о «мерском стане» на левом берегу Волги, в устье Медведицы (Третьяков 1970 : 136).

Этноним *черемис* встречается в исторических источниках начиная с X в., в понимании которых значительную проблему составляет свидетельство «Повести временных лет» о том, что черемисы жили в устье реки Оки. Ибо маришцы, которые по нашим данным, тождественны черемисам, живут к востоку от этой территории. Именно из данного противоречия исходили исследователи второй половины прошлого столетия при обработке тождества мари-меря. На VII российском археологическом съезде в Ярославле с такой теорией выступил П. Семенов, перечислив топонимы среднего и верхнего Поволжья, которые он трактовал на базе маришского языка (1891 : 228—258). Само собой разумеется, многие его этимологии ошибочны. Работа в данном направлении продолжается до сих пор. В топонимах верхнего Поволжья и между речью Волги и Оки К. А. Четкарев также предполагал найти много элементов маришского языка (1954 : 115—160). В 1960-е годы среди археологов сторонников тождества мари-черемис-меря был В. Ф. Генинг (1967 : 52—70). Е. И. Горюнова с помощью исторических аргументов опровергла его теорию: в «Повести временных лет» ясно разделяются народы черемис и меря (1967 : 70—78). Из исторических и археологических данных следует, что в конце I и начале II тыс. н. э. в устье Оки существовала этническая группа по названию *черемис*, которая не была тождественна предкам современных маришцев.

Свидетельство «Повести временных лет» об ареале распространения черемисов можно использовать и для другого вывода. Если географическое расположение черемисов сопоставить с местом проживания маришцев в настоящее время, окажется, что внешнее название маришцев может исходить только от русских племен, этнонимы *мари* и *черемис* они связали между собой. Когда русские племена вторглись в среднее Поволжье, сначала они могли встретиться с черемисами, потом, продолжив путь на восток, на левом берегу Волги — с новым народом, который на основе своих впечатлений (внешнее сходство?, такая же одежда?, сходство языка?) назвали тоже черемисами. Такой перенос названия по внешнему сходству у уральских народов не редок: например, селькупы назывались и остяцкими самоедами (Найдú 1975 : 12).

Хотя мы утверждаем, что этноним был распространен русскими, сам он не объясняется на базе какого-либо славянского языка. На основе связи с чувашским

словом *šarmis* Петер Хайду склоняется к волжско-болгарской этимологии (Hajdú 1981 : 48). Однако исходя из географического расположения черемисов и предполагаемого пути распространения этнонима с запада на восток, не представляется вероятным, чтобы черемисы получили свое название от волжских болгар, оно скорее исходит из казарской среды.

Надеюсь, в статье удалось доказать, что изучение источников, их сопоставление с данными археологии, топонимики может привести к полезным результатам для исследователей этногенеза поволжских финно-угорских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А. Е. 1949, К вопросу о буртасах. — Советская Этнография, № 1.
- Васильев Б. А. 1960, Проблема буртасов и мордва. — Вопросы этнической истории мордовского народа, Москва (Труды Института этнографии, новая серия, том 63), 181—209.
- Генинг В. Ф. 1967, Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности). — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 52—70.
- Горюнова Е. И. 1967, Меря и мари. — Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола, 70—78.
- Дубов И. В. 1982, Ростовская земля и «Арса» арабских источников. — Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья, Ленинград, 104—123.
- Заходер Б. Н. 1967, Каспийский свод сведений о Восточной Европе, том 2, Москва.
- Кириянов И. А. 1971, Топонимия Волго-Окского междуречья и история его аборигенного населения (к проблеме летописной мещери). — Ономастика Поволжья 2, Горький, 148—149.
- Коковцов П. К. 1932, Еврейско-хазарская переписка в X веке, Ленинград.
- Мокшин Н. Ф. 1977, Этническая история мордвы XIX—XX вв., Саранск.
- Полное собрание русских летописей, том 1, Москва—Ленинград 1962 (= ПСРЛ).
Сборник летописей. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том 2, Москва—Ленинград 1941 (= Рашид-ад-дин).
- Савельев П. С. 1847, Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, Санкт-Петербург.
- Сафаргалиев М. Г. 1964, Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству. — ТМордНИИ, вып. 27.
- Семенов П. 1891, К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. — Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887 г., том 2, Москва, 228—258.
- Серебrenников Б. А. 1965, История мордовского народа по данным языка. — Этногенез мордовского народа, Саранск, 237—256.
- Спицын А. А. 1905, Владимирские курганы. Известия археологической комиссии, вып. 15, Москва.
- Степанов П. Д. 1968, Древняя история мордвы-эрзи (очерк первый — письменные источники). — ТМордНИИ, вып. 34, 263—277.
- 1970, Древняя история мордвы-эрзи (очерк второй — археологические и этнографические данные). — Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР, Саранск (ТМордНИИ, вып. 39), 26—66.
- Третьяков П. Н. 1966, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, Москва—Ленинград.
- 1970, У истоков древнерусской народности (Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 179), 122—141.
- Четкарев К. А. 1954, Значение топонимики для древней истории мари. — Ученые записки МарНИИ, вып. 6, Йошкар-Ола, 115—160.
- Abu Hámid al-Garnáti utazása Kelet- és Közép-Európában, 1131—1153, Budapest 1985 (= Abu Hámid al-Garnáti).
- A Benedictus Polonus útjáról készült jelentés 1247-ből. Julianus barát és napkelet felfedezése, Budapest 1986, 185—197 (= Polonus).
- Biborbanszületett Konstantin, A birodalom kormányzása, Budapest 1950 (= Biborbanszületett Konstantin).
- Hajdú, P. 1975, A rokonság nyelvi háttere. — Uráli népek, Budapest, 11—43.
- 1981, Az uráli nyelvészet alapkérdései, Budapest.
- Hudud al-Alam, London 1937.
- Jordanes, A gótok eredete és tettei, Brassó 1904.
- Julianus barát és napkelet felfedezése, Budapest 1986 (= Julianus).
- Plano Carpini úti jelentése 1247-ből. — Julianus barát és napkelet felfedezése, Budapest 1986, 91—183 (= Carpini).
- Rubruk útleírása 1255-ből. — Julianus barát és napkelet felfedezése, Budapest 1986, 201—380 (= Rubruk).